Крайнова Любовь Николаевна

ШАБИНСКОЕ ВЕДОМСТВО ЛАМАИСТСКОЙ ЦЕРКВИ МОНГОЛИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ

В данной статье описывается одна из самых важных социально-экономических структур монгольской ламаистской церкви - Шабинское ведомство. Опираясь на дневники русских путешественников Русского географического общества, архивные документы конца XIX - начала XX века, дается характеристика деятельности Шабинского ведомства и описывается положение шабинаров - крепостных хутухты, которые являлись одним из основных источников доходов ургинского хутухты и ламаистских монастырей Монголии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/2-1/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. I. С. 104-107. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 29

В данной статье описывается одна из самых важных социально-экономических структур монгольской ламаистской церкви – Шабинское ведомство. Опираясь на дневники русских путешественников Русского географического общества, архивные документы конца XIX - начала XX века, дается характеристика деятельности Шабинского ведомства и описывается положение шабинаров – крепостных хутухты, которые являлись одним из основных источников доходов ургинского хутухты и ламаистских монастырей Монголии.

Ключевые слова и фразы: ламаистская церковь; крепостные хутухты; шабинары; Шабинское ведомство.

Любовь Николаевна Крайнова
Кафедра всемирной истории
Восточно-Сибирская государственная академия образования
krainovalyubov_75@mail.ru

ШАБИНСКОЕ ВЕДОМСТВО ЛАМАИСТСКОЙ ЦЕРКВИ МОНГОЛИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ©

В конце XIX – начале XX века ламаистская церковь Монголии представляла собой сложную административную структуру. Одним из важных и крупных административных ведомств было Шабинское ведомство или «Их шавийн яам». Оно относилось к числу центральных государственных учреждений и также называлось Велико-Шабинское ведомство (Ихэ-Шаби) [5, с. 224]. Это ведомство создавалось с целью осуществления контроля над имущественным положением главы ламаистской церкви и контроля его действий цинскими властями.

Русские исследователи Монголии конца XIX – начала XX века указывали на то, что Ихэ-Шаби имело большое главное значение в управлении экономическими делами хутухты. Основным источникам по изучению данного ведомства можно смело назвать работы профессора А. М. Позднеева, наблюдения, которые сделаны в дневниках экспедиций Н. М. Пржевальского и П. К. Козлова. Оценка ламаистской церкви Монголии этого периода и значение Шабинского ведомства в ее иерархической структуре широко представлены в статьях, опубликованных в вестнике Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества в 80-х годах XIX в. Типографский материал многих статей хранится в 293 фонде Государственного архива Иркутской области (далее ОГКУ ГАИО).

Образовано Шабинское ведомство было еще в начале XVIII в.: «Указом императора Иньчжена (1723 г.) была ликвидирована власть аймачных ханов, которые по своим правам были приравнены к обычным хошунским дзасакам. В том же году было учреждено специальное Шабинское ведомство для установления контроля по управлению шабинарами Джебдзун-дамба-хутухты» [1, с. 100].

Как сказано выше, данное ведомство было организовано с целью контроля над имущественным положением главы церкви цинскими властями. Это был серьезный политический ход со стороны цинских властей по ограничению власти и могущества Джебцзун-дамба-хутухты. Несомненно, что, имея высокий авторитет среди верующих и экономическую независимость, глава монгольской церкви, впоследствии, мог претендовать не только на духовную власть, но и на светскую и возглавить движение против власти маньчжур за независимость Монголии. Тем более что образец государства, который можно было построить после свержения цинских властей в виде теократической монархии в Тибете, был довольно близок, не только географически, но и как духовный наставник. Нелюбовь монголов и возмущения против маньчжур были очевидны. Поэтому цинский императорский двор постепенно ограничивал власть Гэгэна, оставив ему только дела духовные, сделав его подконтрольным во всех вопросах, дабы не допустить его влияния на монголов как лидера за освобождение народа от власти маньчжур.

Вот как А. Позднеев описывает процесс постепенного отторжения главы церкви от административных и экономических вопросов в результате продуманной политики маньчжурского двора: «Ясно сознавая возможность влияния гэгэна на всю Халху, китайцы… должны были стремиться к ограничению его могущества.… Они шли к этой цели постепенным, но неуклонным и твердым шагом. Прежде всего им нужно было удалить гэгэна от непосредственного столкновения с народом и его жизнью, и с этою целью они, под предлогом святости гэгэна и опасения унизить достоинство его, отбирают у него дела по управлению его шабинарами (крепостными хутухты); но, соблюдая постепенность, они отдают это управление в руки избранного из числа тех же шабинаров. Итак, в 1754 году в Хўрѣни утверждается впервые присутственное место для разбора шабинских дел, а управление ими возлагается на «шанцзотбу́», и на должность эту назначается лама, Сундубъ-дорчжи с титулом Сэцэнъ-тойнъ. Но это… было сделано едва ли не для того, чтобы переход управления шабинарами из-под власти гэгэна был менее заметен» [6, с. 66-67].

С 1723 г. шабинарами главы буддийской церкви управлял шанзотба. В 1754 г. указом маньчжурских властей функции шанзотбы и возглавляемого им «Их шавийн яам» (Духовное ведомство) были расширены и в его ведение поступили все монастырские шабинары [1, с. 74]. В 1758 г. при ургинском амбане для осуществления контроля над деятельностью Эрдэни-шанзотбы было создано «Хутухтын тамга» (Управление Шабинским ведомством), которое возглавлял помощник амбаня – маньчжурский чиновник, назначаемый из Пекина [Там же, с. 74-75].

© Крайнова Л. Н., 2012

«Лама, управляющий шабинарами, выбирался из Джебдзун-дамба-хутухты, но занимать свою должность он имел право только после того, как его на эту должность утвердит богдыхан. Полный титул выбираемого главы ведомства – Эрдэни-цэцэн-далай-чиндамани-тойн-шанцзотба. На шее у него цепью висят золотые четки (каждый шарик – 1,2 вершка). Он пользуется всем, что ему нужно из казначейства хутухты, но жалованья не получает, как и его два помощника да-ламы» [4, с. 36].

Однако это ведомство очень быстро начало расширять свой административный аппарат, и происходило это отнюдь далеко не по причине увеличения числа шабинаров. В действительности же, маньчжуры добивались ослабления власти Гэгэна путем ее раздробления. «Они хотели поставить на каждый отдел управления несколько начальников для того, чтобы последние всегда взаимно ограничивали друг друга и в результате прибегали к самому же маньчжурскому правительству для решения дела» [6, с. 66-67].

После смерти второго гэгэна, спустя четыре года после учреждения должности шанцзотбы, «в 1758 г., 7-го числа последнего весеннего месяца состоялось следующее высочайшее повеление хуанди: «Халхаский Чжебцзун-дамба лама переменил одеяние (скончался). Хотя в Хурени для надзора за учением и богослужениями находится шанцзотбá Сундуб-дорчжи, и пусть он, присматривая за Хуренем, хорошенько управляет сообща хутухтинскими шабинарами, равно предоставляется ему решать и пограничные дела русские». Таким образом в Хурени появился монгольский амбань (высший правитель)» [Там же, с. 67]. Но спустя три года, оказалось что для того чтобы управлять Куренем и шабинарами, двух человек было уже недостаточно и «22-го числа среднего зимнего месяца 1761 года в Ургу был назначен для той же цели второй амбань, и уже из маньчжуров, по имени Номохонь. Он считался однако ниже монгольского амбаня, хотя, вероятно, имел гораздо большее значение и влияние при пекинском дворе.… Но этого еще мало, и пребывание высших властей вскоре дало Урге главенство над всею северо-восточною Халхаю следующим образом: хотя первоначальное учреждение амбаней в Урге было мотивировано только необходимостью присматривать за Хуренем и управлять шабинарами, тем не менее, в действительности, для этой цели едва ли нужны были три отдельные присутственные места с целым роем заседателей, секретарей, писцов и проч., и само собою разумеется, что при этом назначении деятельность амбаней и подводимых им ямуней (присутственных мест) была чересчур ограничена» [Там же, с. 67-68].

Позднее, уже в период автономии, шанцзотба, стоявший во главе данного учреждения, участвовал в заседаниях кабинета на правах министра. «Шандзотба определенного жалования не получал, но имел готовую квартиру и пользовался из казначейства Богдо-гэгэна всем, что считал для себя необходимым. Центральное управление Велико-Шабинским ведомством находилось в Урге» [5, с. 40].

В подчинении Шабинского ведомства находились шабинары – крепостные церковных феодалов. «Маньчжурские правители, придавшие силу закона правам и обязанностям отдельных монгольских сословий, достаточно ясно определили положение шабинаров как крепостных, находящихся в непосредственной зависимости от духовных феодалов и отдельных монастырей. Согласно закону шабинары были полностью освобождены от поборов и повинностей в пользу светских властей, их не привлекали также и к военной службе» [Там же, с. 42], не отбывали одну из самых тяжелых для податного населения повинности – уртонной. «Их обязанностью было вносить оброк и нести другие феодальные повинности исключительно в пользу князей церкви и монастырей, к которым они были прикреплены» [Там же].

Источники поступления шабинаров в ведомство ургинского хутухты были разными, но чаще всего это были подношения светских феодалов, которые «с ведома цинских властей… дарили хамджилга (крепостных светских феодалов) ургинскому Джебцзун-дамба-хутухте и другим высшим ламам. Благодаря этому церковные феодалы приобретали собственных крепостных, которые платили им подати и несли многочисленные повинности» [1, с. 60]. Подаренные монастырям семьи «составляли собой уже отдельное ведомство и получали название шабинаров того хутухты, которому они были подарены» [7, с. 4].

Таким образом, подаренные церковным феодалам и главе халхаской церкви люди, превращались в крепостных духовного главы и назывались «шаби», т.е. ученики. Однако араты-шабинары только назывались «духовными учениками», но не являлись послушниками. И хотя шабинары и находились несколько в более привилегированном положении, чем обычные араты, тем не менее, они все-таки были крепостными и не принадлежали к духовному сословию, пусть даже самому низшему.

Имея от эксплуатации шабинаров высокий доход, церковь и ее высшие иерархи постоянно старались увеличить их численность, пользуясь малейшей возможностью захватить у светских князей и дворян их крепостных – албату. «Привилегированное положение церкви и накопленные ею богатства облегчили ей борьбу за шабинаров. Особенно активизировались князья церкви в период автономии, когда они с успехом для себя использовали возможности, связанные с нахождением у власти высших представителей церкви. На этой почве между светскими и церковными феодалами в годы автономии развернулась серьезная борьба, принявшая политический характер» [5, с. 42].

Как отмечает Майский, «число шабинцев увеличивалось не только за счет пожертвований, а также и за счет добровольных переходов аратов в подданство гэгэна, ибо такой переход гарантировал им некоторые льготы в отношении налогов и повинностей» [Там же, с. 225].

Точное число шабинаров назвать очень сложно, так как у разных исследователей приводятся разные цифры. Пржевальский указывает, что «Ургинский хутухта обладает большими богатствами, так как независимо от приношений усердных верующих ему принадлежит до 150 тысяч подданных, живущих вокруг Урги и в других частях Северной Монголии» [8, с. 319]. По другим сведениям «в 1862 г. по переписи в Монголии числилось 70 372 шабинара» [4, с. 38]. Майский пишет, что «в 1919-1920 гг. общее число шабинцев достигало 86 тыс., из которых 70 тыс. кочевали на территориях четырех халхаских аймаков, а 16 тыс. жили на землях Богдо-гэгэна в районе озера Хубсугул» [5, с. 225].

Более точные цифры численности шабинаров приводятся в монографии Гороховой: «К середине XVIII в. буддийские монастыри располагали не только огромными земельными угодьями, многочисленными стадами, но и большим числом шабинаров.… Так, в 1764 г. в личном владении Богдо-гыгена находилось 19698 шабинаров, в 1794 г. их стало 94423, а в 1825 г. – уже 111466» [1, с. 130].

В административном положении монастырские шабинары не были подведомственны гражданским и военным хошунным властям. Они составляли свои отдельные оттоки, во главе которых стояли старосты (дарга), назначавшиеся властями Шабинского ведомства. «В середине XVIII в. число шабинаров Богдо-гэгэна составляло 12 больших и 72 малых оттока, а в начале XX в. – 17 больших, 93 малых, 30 особых оттоков и 5 земледельческих. В конце XIX в. в каждый шабинский оток входило около 800 семей шабинаров. В количественном отношении число шабинаров Их-Хурэ, самого большого монастыря Монголии в XIX в., составляло значительно больше 100 тыс.» [Там же, с. 59].

Семьи шабинаров, выделенные для исполнения подручных работ, назывались «сумчины», монастырские сторожа – «хийдин сахиулчин» и обслуживающие в субурганах (часовнях) – «субургачин» [Там же].

Эксплуатация аратов-шабинаров высшей феодальной знатью ламаистской церкви являлся главным и постоянным источником обогащения не только высших монастырских лам, но и самих монастырей.

«Источники доходов от шабинаров у монастыря и хутухт самые разнообразные, тем более что в ведение монастырей и хутухт обыкновенно ни один человек не остается без дела» [7, с. 4].

В обязанности шабинаров входила ежегодная выплата натуральной подати, ренты продуктами. Это был один из наиболее важных видов дохода церковью с шабинаров. «Каждый шабинар из имеющихся у него двадцати овец обязан отдать ежегодно в пользу монастыря одну; при этом пять коров, три лошади, или два верблюда приравниваются к двадцати овцам. Если шабинар имеет менее двадцати овец, тогда он платит подать хлебом, чаем, или, наконец, деньгами. С десятка овец или двух коров у различных хутухт шабинары платят различно: от пяти до шести котлов проса, от четырех до пяти кирпичей чаю или же от двух до двух с половиною лан серебра; с пяти овец или одной коровы почти у всех вносится три котла проса, два кирпича чаю или же лана серебра деньгами» [Там же, с. 5].

Так, например, дархаты, находящиеся в подчинении Шабинского ведомства ургинского хутухты, ежегодно должны были выплачивать следующие подати: «…по количеству скота, а именно: с каждого верблюда 10 шарацей ($^1/_{30}$ часть кирпича чая); с рогатого скота, с каждой штуки по 5 шара и с барана по 2 шарацай» [9, ед. хр. 503, т. 1, № 2, л. 28 об., 29].

Кроме того, известное количество коровьего масла и молока. Собранное представляется в Ургу два раза в год – осенью и зимою, старшинами или их помощниками. Взамен чая пригоняют лошадей, рогатого скота, баранов и, все это продавши на кирпичный чай, вносят его в Гыгенскую казну или за условленную цену отдают в казну скота и пушные товары» [Там же, л. 29]. «Всего по последней переписи собирается с Дархата в Гыгенскую казну за год кирпичного чая 253 цибина и 266 шара-цей. В цибине считается 1080 шара-цей. На русские деньги вовсе 5000 рублей» [Там же].

Кроме ежегодных податей в пользу монастырей, шабинары были обязаны пасти монастырский скот и выполнять повинности в пользу церковных феодалов в качестве грузчиков, погонщиков, в кустарном производстве, на постройке монастырей и других работах.

Особенно выгодным для монастырей являлось извозничество шабинаров. Китайские торговцы для перевозок нанимали караваны в 50-60 вьючных животных. Если учитывать, что хорошим скотом никто так не был обеспечен в достаточном количестве как монастырские казначейства, то становится очевидным то, что именно монастыри являлись основными перевозчиками грузов у китайских торговцев. «Отправляя животных из своих стад, монастырское казначейство посылает при этом погонщиками тех самых бобылей из своих шабинаров, которые дома у него или ухаживают за монастырским скотом или же состоят при монастыре в качестве работников. Очень часто бывает при этом, что в составе таких монастырских караванов и не все животные принадлежат монастырю, но часть их составляет собственность шабинаров, причисленных к ведомству хутухты… Каждый шабинар, пожелавший присоединиться к монастырскому каравану, обязан платить за это позволение присоединиться или, другими словами, платить за то, что ему достается выгодная работа; за то, что по нем поручаются; за то, наконец, что ему будет легче и безопаснее идти в большом караване, – и плата за все это полагается довольно значительная» [7, с. 6].

Большую часть своих личных средств шабинары отдавали на строительство монастырей и содержание лам, а также на массовые паломничества лам в Тибет, в Лхасу, на поклонение разным «святым», на приглашение «знаменитых» лам из Тибета.

Поездки хубилганов в Лхасу и Пекин отнимали у шабинаров сотни тысяч ланов. Так, очередная поездка в Пекин ургинского хутухты (1840 г.) обошлась в 50 тыс. ланов, помимо огромной стоимости преподнесенного им богдыхану подарка, состоявшего из 9 девяток отборных лошадей, чернобурых лисиц, соболей и др. [2, с. 201].

В 1889 г. хубилган Заин-гэгэн для постройки дворца и поездки в Пекин не только обобрал своих шабинаров, но и взял крупную ссуду у китайских фирм. За неуплату Заин-гэгэном в срок ссуды в сумме 20 тыс. ланов китайские ростовщики увеличили долг вдвое, т.е. до 40 тыс., и начислили еще 13 тыс. ланов годовых процентов. Все это пришлось оплачивать шабинарам [Там же].

Но в свою очередь шабинары были неподвластны светским властям и не платили налогов и податей хошунным дзасаками, не были военнообязанными. Их не привлекали к несению уртонной, то есть транспортно-подводной повинности.

По заведенным в стране порядкам «лучшие земли в хошуне хошунские дзасаки должны были выделять под пастбища хутухтинским и монастырским стадам, а также хутухтинским и монастырским шабинарам.

Таким образом, привилегированное положение церкви в Монголии отражалось и на ее крепостных. В экономическом положении шабинарские хозяйства были значительно крепче и состоятельнее хозяйств албату и хамджилга [1, с. 60]. Это положение изменилось к худшему со второй половины XIX в., когда администрация хутухтинских монастырей была реорганизована по образцу светской хошунной администрации, а шабинаров стали привлекать к несению уртонной, то есть транспортно-подводной повинности» [Там же, с. 60-61]. Тем не менее шабинары и в этот период находились в значительно лучшем экономическом положении, чем хошунные албату или хамджилга, то есть крепостные светских князей.

В некоторых случаях, податное население хошунов, особенно в голодные годы, после большого падежа скота, как указывает Позднеев, приходили к шабинцам «нанимаясь к ним для работы и ухаживая за их скотом» [6, с. 19].

Экономическое благосостояние шабинаров напрямую зависело от экономического процветания или упадка монастыря, к которому они были прикреплены. Описание таких случаев часто встречаются в дневниках русских исследователей XIX века. Вот одно из подобных наблюдений, сделанных во время экспедиции 1899-1901 гг. П. К. Козловым: «Жители Шабинского ведомства или иначе шабинары, обитающие в долине Бегер-нора, численностью около ста юрт…; по словам последних, и монастырь, и шабинары его до дунганского восстания отличались завидным состоянием; ныне же они все еще не могут залечить своих ран, нанесенных магометанским погромом, и справедливо считают себя бедняками» [3, с. 69].

С середины XIX века при многих монастырях существовали земли, которые обрабатывались шабинарами. Они прикреплялись к земле и должны были ее обрабатывать. В последней четверти XIX века «главное казначейство монастыря Чжебцзун дамба хутухты привлекло к обработке земли своих шабинаров и составило даже особый оток, повинность которого именно и состояла в обработке земли. Урожай с пашен, обрабатываемых шабинарами, целиком доставляется монастырю, и это дает ему значительные большие средства к существованию, чем отдача земель в аренду» [6, с. 38].

«За любое неповиновение монастырским властям шабинаров строго наказывали, взывая с них по девять голов скота» [1, с. 60].

Таким образом, становится очевидным, что Шабинское ведомство, которое первоначально создавалось цинскими властями как один из способов ограничения власти Джебцзун-дамба-хутухты, впоследствии стало одним из самых влиятельных органов власти в Монголии, накопив за несколько столетий огромные богатства. Положение шабинаров, находящихся в подчинении данного ведомства, было незавидным, хотя в отличие от хамджилга, они и находились в более привилегированном положении, тем не менее, положение шабинаров оставалось тяжелым. За счет их труда духовные феодалы ламаистской церкви накапливали свои богатство, эксплуатируя труд своих крепостных, облагая их податями. Но, с другой стороны, шабинары находились под защитой церкви и монастырей: им предоставляли кров, они не отбывали тяжелой уртонной и воинской повинностей.

Список литературы

1. **Горохова Г. С.** Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства: конец XVII – начало XX в. М.: Наука, 1980.
2. **История Монгольской народной республики.** Изд-е 2-е, пер. и доп. / редколл.: академик Е. М. Жуков, академик А. А. Губер и др. М.: Наука, 1967.
3. **Козлов П. К.** Монголия и Кам: труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899-1901 гг. под руководством П. К. Козлова / Императорское Русское Географическое Общество. СПб.: Типо-Литография «Герольдъ», 1905. Т. 1. Ч. 1.
4. **Ломакина И. И.** Монгольская столица старая и новая и участие России в ее судьбе. М.: Товарищество научных изданий «КИК», 2006. 293 с.
5. **Майский И. М.** Монголия накануне революции. М.: Восточная литература, 1959. 310 с.
6. **Позднеев А. М.** Монголии и Монголы: результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 гг.: в 2-х т. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1896. Т. 1. Дневник и маршрут 1892 г.
7. **Позднеев А. М.** Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к монгольскому народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 152 с.
8. **Пржевальский Н. М.** Путешествие в Уссурийском крае: Монголия и страна тангутов. М.: Дрофа, 2008. 766 с.
9. **Шишмарев Я. П.** Сведения о Дарханах-Урянхаях владычества Ургинского Хутухты // ОГКУ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1.

SHABIN DEPARTMENT OF LAMAIST CHURCH OF MONGOLIA DURING QING DYNASTY REIGN

Lyubov' Nikolaevna Krainova
Department of World History
Eastern-Siberian State Academy of Education
krainovalyubov_75@mail.ru

The author considers one of the most important social-economic structures of the Mongol Lamaist church – Shabin department; by the materials of the Russian Geographical Society travelers' diaries, the archival documents of the end of the XIXth – the beginning of the XXth century presents the characteristic of Shabin department activity and describes Shabinars (Khutukhta serfs)' position, who were the major source of income for Urga Khutukhta and lamaseries in Mongolia.

Key words and phrases: Lamaist church; Khutukhta serfs; Shabinars; Shabin department.